

О РАДОСТИ ЖИЗНИ

«Триптих» театра «Зингаро»

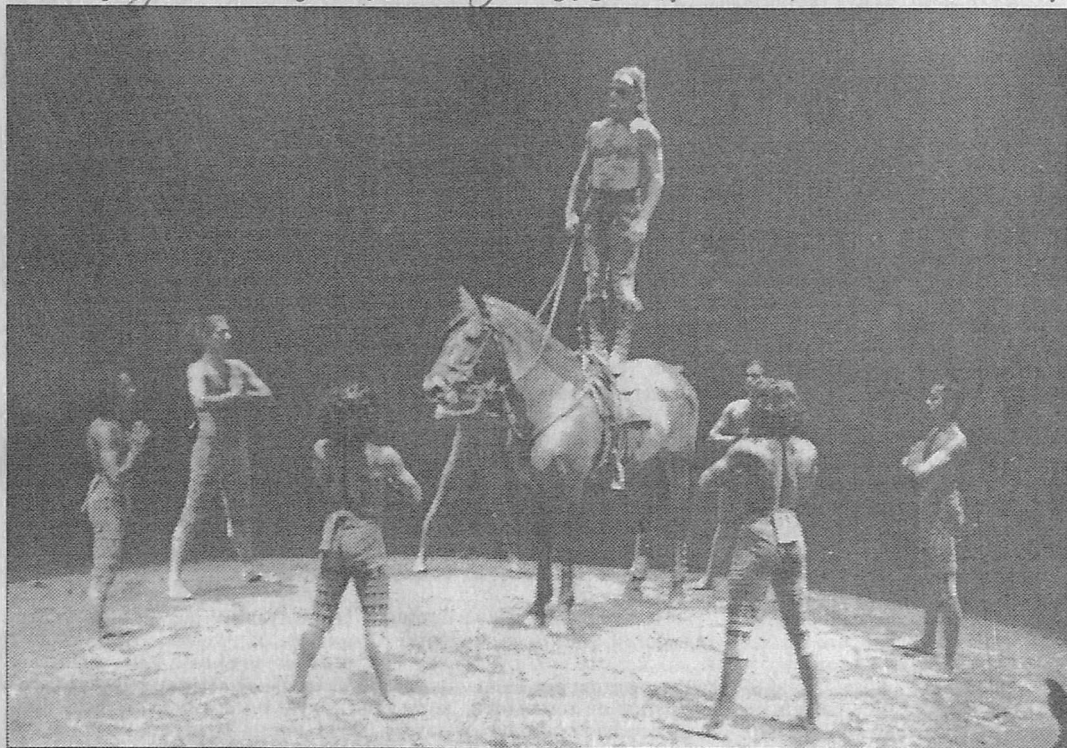
Независимая газ. 2001 - Июнь - с. 7

Михаил Жирмунский

ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ, попавшего на представления необычной французской группы «Зингаро», важен эффект неожиданного изумления. Жанр танца с конями на цирковой арене весьма массивен — а слушаешь музыку и не упускаешь деталей трактовки сочинений Стравинского дирижером Пьером Булем, под чью фонограмму идет спектакль. Далее: кентавр — самая расхожая ассоциация, которую рождает зрелище артиста на коне. И в самом деле здесь сочетание «человек-конь» рождает поразительно сильную эстетическую энергию: их обоюдное потное животное воздействие в эстетическом смысле прекрасно. С настороженностью ждешь, как в балетном спектакле человек «обыгрывает» лошадь, — и вроде бы нет никакого насилия над животным, только постоянный отклик на естественность его поведения, любовное насыщение его стихией. Наконец, сразу стоит заметить, что несобойной фантазии постановщика и наездника Бартабаса (Клемана Марти) при всей «узости» жанра хватило на «Триптих» — три разные концепции в одном спектакле.

Первую часть, «Весну священную», танцуют семеро индийцев, подготовленных по методу осмысленной боевой пластики «Каларилайат». Танец индийцев с гуттаперчевыми телами на песке терракотового цвета, а затем сумасшедшая энергия всадников, мчащихся по кругу арены, очень тонко следуют за музыкой на уровне эмоционального состояния. Ведь ничуть не расстраивали течения замки с неудачным трюком или вырвавшейся лошадью. Сюжет выдерживается языческий, подобно тому, как его ставила Пина Бауш (на ее спектакль постановщик ссылается в тексте буклета) и в чем угадывается пластическая «тактика» Нижинского из первой постановки балета. Ее освистали за впервые реализованную в хореографии энергию натурально-звериного дисгармоничного движения (именем **Нижинский** назван и один из выступающих здесь коней). Бартабас же нашел такие формы спектакля, благодаря которым удалось вложить в известный балет новую жизнь. Это прежде всего исполнители-индийцы с их предельной осмысленностью движения на колоссальном диапазоне — от мелкой пластики и жеста до отчаянных манипуляций с лошадьми, с которыми, как сообщает буклет, до приезда во Францию они вовсе не были знакомы. Не менее важен и «кентавр», в ком «человек-театральный» предстает в ином качестве — разумного существа с животной энергией, умножая вдвое и необходимое на сцене телесное совершенство.

Герои — пробуждающиеся «перволуды» и всадники. Их бешеная гонка по кругу, наезднические композиции на скаку с

Ритуальное действо «Весны священной» театра «Зингаро». Фото Михаила Гутермана

разнообразием движений и выразительными позами воспринимаются как танец, поскольку поразительным образом на эмоциональном уровне вписаны в музыку. «Архаичный» человек конфликтно взаимодействует с человеком на «крылатой птице» подобно борьбе двух цивилизаций: предел дружелюбия — когда индеец занимает место на крупной лошади за спиной всадника. А в остальном его преследуют на коне, перебрасывают через лошадь, волочат на конском хвосте.

Центральный лирический эпизод «Вешние хороводы» — абсолютный шедевр хореографической идеологии Бартабаса. В основе — естественное поведение лошадей, выражающее радость, и присущая этим животным грация. Как этого удастся добиться, загадка не дрессировки, а творчества. Три белые лошади с прозрачными серыми глазами (глазко остриженные гривы и совсем безволосые хвосты) краснеют от песка, по которому катаются, бьют копытом и приветствуют друг друга, становясь на дыбы. И даже танцуют, то так, то эдак извивая прекрасные шеи, следуя за непрерывно предлагаемой морковкой из рук красивых девушек. В центре сцены грозными полусвисают с подвешенного к потолку каната индийские танцовщицы. Роль языческого идола представляет наездника на красивой лошади, хлыстиком и удилками попускаемой к танцу. Лошадь покидает сцену с дрессированным изяществом — это нехарактерное для спектакля насилие над животным усиливает экстремальность сцены.

«Диалог двойной тени» на музыку самого Булеза — наиболее «хореографичная» вторая часть «Триптиха». И снова всплеск

ошарашивающей новизны. Нет лошадей. Вместо них лишь подвешенные к потолку стилизованные (в сторону скульптур Эрнста Неизвестного) фигуры лошадей в динамике из пористого пластика. Танец двух людей в дуэте с этими фигурами строится так, что становится эмоциональным продолжением застывшего движения лошади, его оживлением. В свою очередь, и человеческая эмоция здесь рождается из сгустка движения лошадиного тела. Третий человек здесь — кларнетист Йосиобу Камей в самом центре арены, живой звук в окружении фонограммы.

Зрелище, разворачивающееся под «Симфонию псалмов» Стравинского в бесконфликтно-застывшем прочтении того же Булеза, — мир эфемерных образов, прекрасных призраков. Белые дамы и кавалеры в старомодном крою длинных кафтанов неторопливо разъезжают по арене, тогда как «балет» разворачивается наверху: чернокожий танцовщик подвешен к потолку в сложном вдавном куске белой ткани и поначалу скрыт в нем, как в «первоначальном» коконе. Потом появляется его рука, ноги. Пластические упражнения постепенно переходят в танец «пристрахованного» акробата, когда ткань выполняет функцию циркового снаряда, но визуально предлагает чисто балетные возможности, когда то облегает тело, то служит креплением, картинно обвивающим ноги. Энергия линий этого танца — в том, что решена задача парения. И потому трагичен конец: под просветленную музыку танцовщик наконец соприкасается с землей, покрываем все той же всепильной тканью.

Спектакль «Зингаро» реализован так, что зрелищный ряд со-

здает у зрителя эмоции, абсолютно совмещенные с музыкой. На полную мощь работают освещение и «дым», причудливо дробящие громоздкое цирковое пространство. Лошади вносят в него неподдельное ощущение радости бытия, и можно утверждать, что возможности взаимоотношения человека и животного в области драматургии эмоций значительно богаче, чем предлагает традиционный цирк. И потому в целом рождается зрелище совершенно новое, величественное и красивое.

Триптих имеет и финал: сам Бартабас танцует на коне под мерный колокольный звон, записанный именно в церкви села Коломенского, где и происходят его московские выступления. В перерывах же между частями зрители смотрят на то, как лошади по кругу бороной разравнивают песок. Это тоже часть представления: служитель с граблями во фраке, огромная пятнистая лошадь с мохнатыми «гольфами» длинной шерсти и расчесанной пышной гривой, на ней — всадница в красном. В другой раз на сцену вышла крохотная «комнатная» лошадка с кокетливой челкой. При этом в буклете декларируется пессимистичность представления. Действительно, та доля неистовства, которое течет во время представления, изливается тишиной. Безрезультатное всепильное преодоление, которое совершается в каждом задействованном музыкальном произведении, а также конь, созданный, чтобы нести вперед, не вселяют торжества. Но проверка внутреннего человеческого состояния пульсом природы, осознание физического существования и его радости гармонизирует выводимый итог.